

XI. Патриотизм.

Понятия о семье, религии, собственности, власти выделялись понемногу из всей совокупности человеческих понятий и постепенно принимали все более и более определенный характер; вместе с тем, по мере того как эти понятия выяснились, они проходили, каждое в отдельности, свой особый цикл развития и воплощались в существовании особых сословий, имеющих каждое свое назначение и свои привилегии.

Одним из первых выделилось, развилось и получило повсюду преобладание сословие военное; даже там, где ему приходилось уступить первенство духовному сословию, это последнее пользовалось собственно лишь почетным главенством, в сущности же именно военное сословие давало возможность тем, кто стоял у власти, удержать ее в своих руках, именно оно выбирало тех номинальных или действительных вождей, в которых сосредоточивалась вся сила привилегированных сословий.

Во всех этих столкновениях интересов понятие патриотизма играло очень незначительную роль. Различные группы и племена, а затем, уже в историческое время – различные города, боролись друг с другом; затем, одни народы стали стремиться поработить других, и появилось различие между национальностями; тем не менее понятие о патриотизме было еще очень неясным и неопределенным. Только в очень близкое к нам время мы видим, как оно зародилось и определилось и как оно скоро стало выше и королей, и священников, и воинов, обратив их всех в своих слуг, в служителей новой религии.

Во Франции идея патриотизма, точно также, как и идея законности, проявилась во всей своей силе в 1789 году. Это было гениальное изобретение буржуазии: она заменила авторитет божественного права авторитетом нации, представила его в глазах рабочих как совокупность всех прав и заставила их защищать новый порядок вещей, внушив им, что они борются за защиту своих собственных прав. В самом деле, нужно иметь в виду, что понятие об отечестве, о нации, как говорили тогда, было скорее понятием о народе, о его правах и его учреждениях, чем о самой территории. Только впоследствии, под влиянием различных причин, патриотизм сузился и измельчал до такой степени, что теперь он означает исключительно любовь к известной территории, совершенно независимо от населяющих ее жителей и от существующих на ней учреждений.

Но каково бы ни было содержание этой идеи, буржуазии было в высшей степени выгодно развивать и поддерживать ее, чтобы в конце концов превратить ее в род религии, под защитой которой она могла бы удержать в своих руках власть, уже сильно подвергавшуюся критике. Защита территории была во всяком случае очень удобным предлогом для сохранения армии, нужной для поддержания её привилегий, а общее благо – неопровержимым аргументом для того, чтобы заставить содействовать тому же самому и рабочих. К счастью, критическая мысль развивается и расширяется с каждым днем; человек уже перестает довольствоваться словами и хочет знать, что они означают. Даже если ему

не удастся достигнуть этого сразу, он во всяком случае умеет уже накапливать в своей памяти запас фактов, из которых он затем делает логические выводы.

Что, в самом деле, значит слово «отечество», если мы оставим в стороне естественное чувство любви к семье и близким и привязанность к своей стране, зависящую от привычки жить в ней? Для большинства из тех, которые рискуют жизнью в разных войнах, не зная даже их причин, и несут на себе всю тяжесть их, и как рабочие и как солдаты, это слово не заключает в себе, кроме этого, ровно ничего. Будет ли война удачной, или неудачной, их положение от этого нисколько не изменится. Окажутся ли они победителями или побежденными, они все равно не перестанут быть вечно эксплуатируемыми вьючными животными, над которыми буржуазия всеми средствами стремится удержать свое господство.

Посмотрим, в каком смысле употребляют это слово те, которые больше всего говорят о любви к отечеству. «Отечество», говорят они, «это – земля, территория, принадлежащая тому государству, подданными которого мы состоим». Но ведь границы государств произвольны и определение их зависит по большей части от исхода войн; политическая группировка стран не всегда была такой, какой мы видим ее теперь, и если завтра нашим эксплуататорам захочется начать между собой войну, то какое-нибудь одно сражение может вновь заставить часть страны перейти под власть другого государства. Да разве не так происходило дело и всегда? В ряде войн различные страны присваивали себе те или другие провинции, определявшие их границы, затем теряли их и вновь завоевывали, так что патриотизм этих провинций переходил то на одну, то на другую сторону и состоял только в том, чтобы сегодня бороться под одним знаменем, а завтра – под другим, сегодня убивать своих вчерашних союзников и сражаться рядом с завтрашними врагами. Это – первое доказательство нелепости патриотизма.

Да и что, вообще, может быть произвольнее границ? На каком основании люди, живущие по ту сторону какой-нибудь воображаемой линии, составляют другое государство, чем те, которые живут по эту сторону? Произвольность этого так очевидна, что для объяснения деления народов на различные нации обращаются теперь к понятию о расе. Но и это не имеет никаких серьезных оснований, потому что каждая из существующих национальностей представляет собой результат смешения многих рас[21], очень различных между собой, не говоря уже о том, что постоянно развивающиеся и все более и более тесные международные сношения ведут к постоянным скрещиваниям.

Если стать на эту точку зрения, то прежнее деление Франции на провинции окажется, пожалуй, более логичным, потому что в нем всё-таки принимались в соображение этнические особенности населения; но теперь и это уже не может иметь значения, потому что человечество все больше и больше объединяется, и различные народности постепенно сливаются между собой; остаются только различия, зависящие от условий среды и климата и слишком глубокие для того, чтобы вполне исчезнуть.

Но что еще нелепее, так это то, что большинство людей жертвует своей жизнью в борьбе с другими людьми, на которых им указывают как на врагов, но которых у них нет никаких особых причин ненавидеть, ради защиты или завоевания земли, которая им не принадлежит

и не будет принадлежать. Она составляет собственность небольшого меньшинства тунеядцев, и эти собственники спокойно сидят у себя дома в полной безопасности, в то время, как рабочие самым бессмысленным образом рискуют своей жизнью, отнимая с оружием в руках землю, которая послужит только для того, чтобы дать эксплуататорам возможность еще больше их эксплуатировать.

Мы уже говорили о том, что собственность не принадлежит по праву тем, в чьих руках она находится: воровство, грабеж и убийство, прикрытые громкими названиями завоеваний, колонизации, цивилизации, патриотизма, сыграли в этом переходе немаловажную роль. Мы не будем возвращаться здесь к вопросу о происхождении собственности, но скажем только одно: если бы рабочие были разумнее, то вместо того, чтобы идти на войну защищать территорию, принадлежащую другим, они прежде всего отделались бы от своих собственных правителей и эксплуататоров, затем предложили бы сделать то же самое всем остальным рабочим, к какой бы национальности они не принадлежали, и соединились бы все вместе для общего производства и потребления.

Земля достаточно велика, чтобы прокормить всех, и не недостаток места, не недостаток пищевых продуктов вызывает кровавые войны, в которых тысячи людей убивают друг друга ради славы и выгоды небольшого меньшинства; наоборот, именно эти безобразные войны, вызванные правительственными соображениями, тщеславием или торговой конкуренцией крупных капиталистов, разделили людей на нации; в средние века они же служили причиной чумы и голода, уносивших тех, кто оставался в живых.

Но тут мы слышим возражения буржуазных шовинистов: «Но ведь если у нас не будет армии, нами завладеют другие державы, которые истребят нас или поставят в еще худшие условия, чем те, в которых мы живем теперь», а некоторые говорят даже, совершенно не замечая сами, что становятся на патриотическую точку зрения: «Мы вовсе не патриоты; мы вполне признаем, что существующее распределение собственности дурно и что общество требует преобразований, но согласитесь, что Франция идет во главе других по пути прогресса, и дать ее разбить – значит допустить шаг назад; представьте, что ее победит какое-нибудь деспотическое государство: конец тогда её свободе!»

Мы, конечно, не имеем в виду давать здесь какую-нибудь программу действий для анархистов на случай войны: их поведение будет зависеть от обстоятельств, от состояния умов и от массы других условий, предвидеть которых мы не можем; здесь мы рассматриваем вопрос только с точки зрения логики, а логика говорит нам одно: раз войны предпринимаются исключительно в интересах наших эксплуататоров, нам не следует в них участвовать.

Мы уже видели, что, каков бы ни был источник власти, тот, кто ей подчинен, всегда остается рабом; вся история пролетариата служит наглядным доказательством того, что «национальные» правительства, нисколько не стесняясь, стреляют в своих «подданных», если последним вздумается потребовать себе некоторой свободы. Не больше этого могут сделать и иностранные эксплуататоры: нашим врагом всегда будет тот, кто нами управляет, к какой бы национальности он не принадлежал.

Каким бы предлогом ни прикрывалась война, в основании её всегда лежит буржуазный интерес: ведутся ли споры из-за политического преобладания, торговых договоров или присоединения колоний, дело идет всегда о выгоде привилегированных классов – правителей, купцов или промышленников. И когда наши современные французские республиканцы хвалятся тем, что их войны ведутся не из-за династических интересов, потому что королевская власть сменилась республикой, то они просто морочат нам голову: как будто бы для рабочего есть какая-нибудь разница в том, что династические интересы заменились классовыми!

Будем ли мы победителями или побежденными, мы все равно будем платить налоги и голодать во время безработицы, а в старости – умирать на улице или в больнице. С какой же стати буржуа хотят, чтобы мы интересовались их распрями? что могут они нам дать?

Что же касается боязни ухудшения положения и остановки прогресса в случае, если какое-нибудь государство исчезнет, то она доказывает только непонимание современных международных отношений и международного распространения идей. Можно раздробить нацию, разбить ее на части, отнять от неё её название – и все-таки, если только ее окончательно не истребят, её внутренней сущности изменить будет нельзя, потому что она зависит от характера, темперамента и природы всех вошедших в состав её рас. Что же касается тех – действительных или вымышленных – вольностей, которые якобы составляют нашу привилегию, то в случае объявления войны, они были бы немедленно ограничены, социалистическая пропаганда была бы запрещена, правительственная власть перешла бы в руки военных и наше положение оказалось бы несколько не лучшим, чем при каком угодно самодержавии.

Итак, рабочему война не может дать ничего: для нас с ней не связано никаких интересов и нам нечего защищать, кроме собственной жизни, а для этого лучше всего не рисковать ей самым нелепым образом ради выгоды наших правителей и эксплуататоров. Для буржуазии война, конечно, выгодна: она позволяет ей держать постоянное войско для защиты существующих учреждений против народа, она дает ей возможность сбывать свои продукты и открывать, при помощи пушечных выстрелов, новые рынки; и вот она подписывается под необходимыми для войны займами, а затем оказывается, что мы, рабочие, должны за это платиться. Пусть дерутся сами, если хотят: нас это не касается. Да кроме того, если бы мы восстали, если бы буржуазным привилегиям действительно стала грозить опасность, мы очень быстро увидели бы, как те самые люди, которые взывают к нашему патриотизму, призывают себе на помощь войска своих собратьев-эксплуататоров из других стран – немецкие, русские, какие бы то ни было. Они похожи на Вольтера, которого считают своим духовным отцом: он не верил в Бога, но считал, что религия нужна для простого народа; они, точно также, воздвигают границы между своими рабами, но не обращают на эти границы никакого внимания, если речь идет об их собственных интересах.

Для человека, достойного этого имени, нет отечества, или, вернее, оно для него там, где он борется за право, где он живет и где у него есть близкие люди, но это отечество может распространяться на весь земной шар. Человечество не делится на маленькие клетки, в каждой из которых сидит человек, смотрящий на всех других как на врагов; для развитой личности все люди – братья и все имеют одинаковое право свободно жить и развиваться на

нашей планете – достаточно обширной и плодородной, чтобы прокормить их всех.

Что же касается ваших условных национальных единиц, то рабочие не могут получить от них ничего и им нечего в них защищать; по какую бы сторону границы случай не заставил их родиться, это не может быть для них причиной взаимной вражды. Вместо того, чтобы убивать друг друга, как они делают теперь, пусть они лучше протянут друг другу руки – через всевозможные границы – и начнут соединенными усилиями борьбу против своих настоящих и единственных врагов: *власти и капитала*.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 8 июля 2025 17:11:35
██████████ ██████████ обновил 8 июля 2025 17:12:21